

— Боже! Срочно найдите мне контакты этой красотки!

— С ума сойти, женский образ сидит на Чу Цинюне как влитой! Вообще без фальши!

— Ха-ха-ха, как умно! Закрыв лицо веером — и поди разбери, парень это или девушка.

— А-а-а-а, богиня! Затмил абсолютно всех в комнате!

— Какая красота! Я влюбился!

— Какой же он горячий... Талия тонкая, ноги от ушей. Прости, Цзюньцзюнь, больше слова не скажу про твою удобу, у-у-у!

Впервые чат на трансляции Чу Цинюня взрывался столь единодушным восторгом. Сун Сюйян осторожно, словно хрустальную вазу, подвёл его к огромному зеркалу. Окружённый затаившей дыхание толпой, Цинюнь медленно опустил веер.

Открылся безупречный профиль.

Лицо оставалось прежним, но если в мужском образе его резковатые черты казались привычными, то сейчас, в женском платье, мягкие пряди, спускавшиеся к ушам, удивительным образом сглаживали углы. В его облике не было той кричащей нелепости, с которой обычно сталкивались другие участники-мужчины, примерявшие женские наряды. Он не растерял мужественности, но именно это рождало тонкий, едва уловимый диссонанс — странный, почти гипнотический.

Гримёр, придирчиво оценив фигуру Чу Цинюня, тут же отложил в сторону поролоновые накладки для бёдер и с горящими глазами принялся за его лицо.

Благодаря Чу Цинюню планка ожиданий от дефиле в ципао взлетела до небес. Поторопив застывшего в нерешительности Сун Сюйяна, его буквально выпихнули в гардеробную. Минут через десять тот явился обратно: сгорбленный, сутулый, стыдливо прикрывающий руками плоскую грудь. Комната покатила со смеху. Нахохотавшись вдоволь, толпа наконец разошлась.

Сун Сюйян возмущённо топнул ногой:

— Да у вас совесть есть вообще?!

— Учитель Чу...

Гримёр внезапно сменил тон и обращение. Чу Цинюнь, увлечённо наблюдавший за страданиями Сяо Суна, поначалу даже не понял, что зовут именно его. Лишь когда вежливое обращение прозвучало повторно, он обернулся:

— Вы ко мне?

Визажист затаил дыхание, с трудом подавляя профессиональный восторг, и кивнул.

Он всего лишь наложил легкий тон, скорректировал форму бровей и коснулся губ алой помадой, но Чу Цинюнь преобразился до неузнаваемости. Перед ним стояла утончённая, уверенная в себе красавица с волевым взглядом. Возникла пугающе реалистичная иллюзия, будто он всегда таким и был.

Любой мастер, на чьих глазах под его собственными кистями творилось подобное чудо, не смог бы сдержать трепета.

— Знаете... — нерешительно начал гримёр. — Любой парик, даже самый качественный, только испортит образ. Что, если мы уложим ваши собственные волосы? Сделаем лёгкую завивку?

— Завить? — Чу Цинюнь вскинул взгляд.

— Да, обычной плойкой. Буквально несколько штрихов, волосам это не повредит. — Мастер уже приготовил десяток аргументов, чтобы уговорить строптивого артиста, но, вопреки ожиданиям, Чу Цинюнь проявил удивительное благодушие.

— Ладно, ваяйте, — легко согласился он.

Визажист на мгновение опешил.

Весь персонал проекта пристально следил за съёмками, и взрывной, абсолютно непредсказуемый характер Чу Цинюня давно стал притчей во языцех. Поговаривали, что даже съёмочная группа лишней раз боялась к нему соваться, опасаясь скандала. Кто бы мог подумать, что в жизни он окажется настолько сговорчивым и покладистым.

Не теряя драгоценного времени, мастер принялся за дело. Отойдя от строгого канона первоисточника, он уложил волосы Цинюня крупными, мягкими волнами и зафиксировал лаком. Когда финальный штрих был завершён, в гримёрной снова раздался хор восхищённых вздохов.

Официальная фотосессия ещё даже не началась, а скриншоты из эфира уже всюду гуляли по

сети. Пользователи отказывались верить, что эта роковая красавица — тот самый скандальный актёр, которого совсем недавно обвиняли в грязной борьбе за роли. Скептики с пеной у рта доказывали, что кадры нещадно обработаны фотошопом, но стоило им увидеть неопровержимые видеодоказательства, как сеть притихла. Оказалось, мужчина действительно может выглядеть настолько ошеломляюще.

— Чу... ты действительно Чу Цинюнь?

Когда пришло время позировать для промо-материалов, Ху Имин добрых пять минут простоял с открытым ртом, прежде чем выдавить из себя этот нелепый вопрос.

Чжоу Чи в этот раз не попал в одну группу со своим верным союзником Ху Имином, но они по-прежнему держались вместе. Услышав, как Имин первым заискивающе заговорил с заклятым врагом, Чжоу Чи до боли сжал кулаки, едва не ломая ногти.

Чу Цинюнь и не подумал бы снисходить до ответа Ху Имину, но, заметив перекошенное лицо Чжоу Чи, решил подыграть и с самым невинным видом бросил:

— Ошибаешься. Я Хэ Юэ.

Прекрасно понимая, что над ним откровенно издеваются, Ху Имин предпочёл не нарываться на грубость. И всё же совладать с природой он не мог: мужское любопытство брало верх, и он раз за разом бросал на Цинюня украдкой полные восхищения взгляды.

Да и не он один — взгляды остальных участников и даже операторов то и дело возвращались к Чу Цинюню. Тан Цзинъи, который прежде держался особняком и почти не общался с ним, заметив, как Цинюнь пошатнулся на непривычно высоких каблуках, тут же галантно придержал его за локоть. В мгновение ока Чу Цинюнь стал центром всеобщего внимания. На этом фоне Чжоу Чи, который пожертвовал репутацией ради заветного наряда, выглядел откровенно жалко — как дешёвый клоун, оставшийся не у дел.

— Вообще-то, я парень, — сухо напомнил Чу Цинюнь обступившим его участникам, ведущим себя словно мартовские коты.

— Да знаем мы, знаем, — закивали те в один голос, ни на секунду не прекращая соперничать за право поддержать его под руку.

Сун Сюйяну, тоже наряженному в облегающее ципао, подобная забота даже не снилась. Он сиротливо ковылял рядышком, опираясь на руку сердобольной Хэ Юэ. Позабыв про всякую гордость и не думая больше о том, насколько унижительно парню щеголять в образе «госпожи», он плаксиво простонал:

— Господин маршал... Только вы обо мне и заботитесь.

Хэ Юэ весело усмехнулась:

— Не обольщайся, милый. На самом деле мне просто не удалось пробиться поближе к Сяо Лю.

Когда наконец подошла очередь их трио, приглашённый фотограф при виде Чу Цинюня мгновенно преобразился. Глаза его загорелись профессиональным азартом:

— Так, отлично! Красавица, быстро в центр кадра, живо!

Режиссёр поспешил деликатно вмешаться:

— Пойдите, у нас тут промо-кадр к «Кровавой луне», участников вообще-то трое.

— Сначала одиночные портреты! — отмахнулся фотограф, наводя объектив на Чу Цинюня. — Потрясающая осанка! В съёмках ретро-портретов положение тела и пластика значат куда больше, чем самое красивое лицо. Чуть правее, вот так!

Затвор камеры непрерывно щелкал. Фотограф не скупился на восторженные похвалы, и только теперь окружающие осознали, в чём крылся секрет безупречности образа Чу Цинюня.

Дело было не только в правильных чертах лица. Стоило ему надеть это платье, как изменилась вся его пластика: расправленные плечи, изящно сложенные на животе тонкие пальцы, едва заметный прогиб в пояснице, идеально подчёркивающий силуэт ципао. Он не просто натянул костюм — он уже жил в своей роли.

"Чёрт, я в лёгкую проиграл"

Сун Сюйян почувствовал тоскливое чувство зависти к гению, который вдобавок пашет в разы усерднее него самого. Он отбросил дурашливость, подобрался и постарался выпрямиться как можно ровнее.

— Участник в розовом ципао, не надо так сильно отклячивать зад! — крикнул фотограф, вмиг разрушив все его старания. — Переигрываете. Не пытайтесь выжимать из себя супермодель, просто положите руку на плечо своему «супругу».

Хэ Юэ едва сдерживала приступы смеха. Вольготно раскинувшись в резном кресле, она сжала ладони двух своих «очаровательных жён», изо всех сил стараясь напустить на себя суровость грозного генерала.

А её «жены» отыгрывали свои роли безупречно. На лице «Пятой госпожи» застыла блаженная глупость — Сяо Сун был полностью поглощён мыслями о жутко неудобных туфлях, тогда как во взгляде «Шестой госпожи», приправленном лёгкой грустью, сквозь напускную хрупкость

явственно читались холодное презрение и стальная воля.

Казалось бы, обычное баловство перед камерой, однако зрители сразу смекнули: ребята работают на полную мощность. Их профессионализм не мог не вызывать уважения.

Негласная битва за зрительские симпатии началась задолго до сцены.

Когда под софиты вышел Чжоу Чи, он высоко вскинул подбородок, картинно расправил плечи и замер в безупречной, выверенной позе. В умении подать себя на камеру ему действительно сложно было отказать.

Вот только его партнёры по команде не спешили проявлять чудеса сыгранности. Став свидетелями того, как лихо Чжоу Чи подминает под себя проект, они откровенно робели перед ним и инстинктивно держались на расстоянии, боясь ненароком заступить за его личные границы. В результате тот, кто должен был сиять в самом центре кадра, оказался сиротливо оттеснён к краю.

Лицо Чжоу Чи каменно застыло. Он попытался сделать шаг в сторону, чтобы сгладить неловкость, но его товарищи по команде, словно не замечая этого, продолжали нелепо пятиться и церемонно уступать друг другу места, превращая съёмку в какой-то фарс.

Зрители прямого эфира, зажатые агрессивной толпой фанатов Чжоу Чи, благоразумно помалкивали в чате. Зато на сторонних платформах и видеохостингах этот неловкий момент мгновенно стал вирусным. Блогеры, специализирующиеся на разборе закулисных интриг, с удовольствием растащили запись на цитаты и детальные разборы.

К моменту завершения съёмок участники — особенно мужская половина — выглядели так, словно только что вернулись с каторги. Адская боль от восковой депиляции в сочетании с удушающе тесными нарядами, которые мало того что не сидели по фигуре, так ещё и были на размер меньше нужного, выжали из парней все соки.

— Господин режиссёр, мы уже можем переодеться? — жалобно взмолился Сун Сюйян, растирая налитые свинцом икры. После нескольких часов на шпильках ноги нещадно гудели.
— Я сейчас просто рухну!

— Через неделю у вас первое живое выступление, — наставительно произнёс режиссёр. — Как вы собираетесь вживаться в образ и привыкать к сценическому костюму, если снимете его прямо сейчас?

До кого-то наконец дошёл скрытый смысл этих слов, и несчастный в ужасе вытаращил глаза:

— Вы что... хотите, чтобы мы ходили в этом постоянно?!

— Ну, дело сугубо добровольное, — уклончиво протянул режиссёр.

Участники было облегчённо выдохнули, но радоваться оказалось рано. Режиссёр коварно улыбнулся и продолжил:

— Однако нагрузка на проекте растёт, задачи усложняются, да и непредвиденных обстоятельств за последнее время прибавилось...

С этими словами он выразительно покосился на Чу Цинюня, всем своим видом показывая, что ждёт от того как минимум безграничной благодарности за спасение ситуации.

В груди Чу Цинюня шевельнулось недоброе предчувствие.

— Именно поэтому, — торжественно провозгласил режиссёр, — мы связались с вашими близкими и друзьями! С сегодняшнего дня они заступают на пост ваших личных ассистентов и пройдут этот нелёгкий путь вместе с вами до самого финала!

Родственники и друзья! Прямо здесь и сейчас!

Измощённые до предела участники в очередной раз проклинали иезуитское коварство организаторов шоу. Объявил режиссёр об этом решении днём ранее — да даже сегодня утром! — павильон взорвался бы криками восторга. Но сейчас, щеголяя в нелепых дамских нарядах, парни мечтали лишь об одном: сквозь землю провалиться.

Показаться перед родителями и лучшими друзьями в обтягивающем женском платье на шпильках — это же гарантированная социальная смерть!

Один только Чу Цинюнь, у которого не было близких, способных приехать на шоу, безучастно стоял в стороне с абсолютно непроницаемым лицом.

Впрочем, это внезапное нововведение разом спутало ему все карты. И судя по всему, оно чертовски шло на пользу одному конкретному человеку.

Если сложить пазл из намёков и недавнего многозначительного взгляда режиссёра, сомневаться в чьём-то тайном сговоре не приходилось. Вычислить, кто именно вызовется стать его «ассистентом» и кто уже который день всеми правдами и неправдами пытается подобраться поближе, труда не составляло.

Спустя минуту под жалобные стоны и причитания участников двери распахнулись, и в зал хлынул весёлый поток гостей.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — тут же раздался чей-то громогласный хохот. Кое-кто из приглашённых

родственников, едва завидев своих горе-красавцев, бесцеремонно затыкал в них пальцами. — О боже, я сейчас умру от смеха! Это ещё что за чудо-юдо?!

Даже выдавшие виды профессиональные агенты и личные помощники, присланные продюсерскими компаниями, не смогли сдержать судорожных смешков при виде своих обычно суровых и пафосных подопечных в столь пикантном виде.

И лишь один человек из всей этой шумной компании казался здесь абсолютно чужим.

Чу Цинюнь окинул ледяным взглядом новоприбывшего. Человек, которому в это самое время полагалось стоять у плиты в его квартире и преданно готовить ужин, замер на пороге. Он медленно оглядел пёструю толпу разукрашенных, нелепо загримированных мужчин и без единой подсказки безошибочно выцепил взглядом его.

В следующий миг рот этого парня, который обычно не закрывался ни на секунду, медленно, дюйм за дюймом, пополз вниз.

Си Тун застыл на месте с настолько диким и глупым выражением лица, будто у него едва не вылетела челюсть.

<http://bllate.org/book/20480/2167615>